

РЕЦЕНЗИИ

Clive H. Church (ed.), *Switzerland and the European Union: A Close, Contradictory and Misunderstood Relationship* (series *Europe and the Nation State*), Routledge, London-New York 2007, 263 p.

В известном лондонском издательстве *Routledge* в конце 2007 г. вышла коллективная работа под редакцией Клайва Черча *Switzerland and the European Union*, посвященная отношениям Швейцарии с Европейским союзом. Авторы – выдающиеся знатоки этих отношений – анализируют их исторические условия, масштаб и сложность. Рецензируемая книга, по всей вероятности, является первым англоязычным и без сомнения наиболее глубоким и современным обзором отношений Швейцарии с ЕС.

Являясь небольшим государством, Швейцария тем не менее по многим причинам имеет большое значение для ЕС и его стран-членов. Для швейцарцев европейские проблемы – вопрос не только отношений с внешним миром, но также собственной идентичности и внутреннего политического развития. Как подчеркивают многие эксперты, становясь членом ЕС, Швейцария должна была бы в большей степени отказаться от собственного идентитета, чем это сделали другие страны. Кроме того, нужно понимать швейцарскую специфику, о которой сегодня в Европе мало знают. Популяризируемый иногда взгляд, что Швейцарская Конфедерация может восприниматься как модель интеграции Европы, на самом деле имеет немного сторонников.

Как подчеркивает редактор издания Клайв Черч¹, книга адресована специалистам, занимающимся Швейцарией, ученым, студентам политологии и международных отношений, энтузиастов процесса европейской интеграции и европейской политики Швейцарии. В ней анализируются современные и высказываются предвидения относительно будущих отношений Швейцарии с ЕС взвешенным и далеким от поучения швейцарцев образом, ибо авторы, как мы читаем во введении, стремились лишь к тому, чтобы уловить сущность участия Швейцарии в процессе европейской интеграции, а также выяснить причины сдержанности, с которой ее граждане относятся к вопросу о членстве в ЕС. Авторы не собирались при этом представлять Швейцарию как модель будущей европейской интеграции по причине ее опыта 1848 г. и более позднего периода.

Книга разделена на три части, которым предшествует обширное введение К. Черча, раскрывающее читателю важнейшие проблемы и специфику отношений Швейцарии и ЕС. Несмотря на свое центральное географическое положение и сильные экономические связи с Европой, Швейцария остается за пределами ЕС, она не вступила также в Европейское экономическое пространство. В частности, по этим причинам она представляет собой особый случай среди западноевропейских государств, более выпукло подчеркивая как расширение ЕС, так и его интеграцию.

Авторы предприняли попытку выяснить причины, в силу которых возникло это исключительное положение Швейцарии, и ответить на вопрос о том, почему большинство швейцарцев выступает за так называемый путь двусторонних договоров, которые являются основой отношений их страны с ЕС. Книга иллюстрирует многоаспектность, масштаб и сложность развивающихся евросоюзно-швейцарских отношений, а также дает подробную, новейшую информацию о самой Швейцарии. С культурной, географической, языковой, политической точек зрения и особенно вследствие экономических связей с единым рынком ЕС Швейцария является абсолютно европейским государством. Это подтверждается и тем фактом,

---

¹ Клайв Черч – профессор-эмеритус кафедры Жана Монне Европейского института Кентского университета (Великобритания) и член Центра политики Швейцарии этого университета.

что каждое третье рабочее место в Швейцарии зависит от единого рынка.

Первая часть книги посвящена объяснению основных причин того, что Швейцария остается вне Евросоюза. К ним относятся: федеративное устройство, непосредственная демократия, нейтралитет и растущий в последнее время антиевропейский популизм. Автор главы, касающейся федерализма, Паоло Дарданелли обращает внимание на то, что для правильного анализа всей совокупности отношений «Швейцария – ЕС» необходимо держать в центре внимания проблемы федерализма, непосредственной демократии и нейтральности Швейцарии. Это мнение разделяют авторы главы о нейтральности Швейцарии Даниель Гансер и Георг Крайс, а также Александр Трехсель, автор главы, касающейся непосредственной демократии. Регула Штемпли, рассматривающая вопрос о популизме в Швейцарии и ЕС, указывает на сходства и различия, а также рассматривает роль новых СМИ в укреплении популистских групп.

Во второй части представлены международное экономическое сотрудничество Швейцарии, финансовые и другие экономические аспекты отношений Швейцарии с ЕС, с учетом их связей с миграционными процессами в Европе. Как отмечает автор первой главы этой части Рольф Ведер, обычно считается, что экономическое сотрудничество Швейцарии с ЕС и мировой экономикой остается решающим фактором, определяющим уровень жизни ее жителей. Он приходит к выводу, что Швейцария, хотя и является небольшим государством, обладает сильной и открытой экономикой. Это мнение разделяют Черч, Кристина Северин и Беттина Хурни, авторы следующей главы во второй части. Они констатируют, что Швейцария не является ни закрытой, ни протекционистской страной, за исключением сельского хозяйства с его высокими таможенными барьерами. Обращая внимание на длительный экономический рост и степень взаимосвязи Швейцарии с ЕС, а также мировой экономикой, они полагают, что ее членство в Евросоюзе не привело бы к большим изменениям. Наоборот, представляется, что это делает Швейцарию очень удобной для ЕС. Последняя глава второй части, написанная Филиппом Кохом и Сандрой Лавенекс, посвящена вопросам свободы перемещения людей и иммиграции. Открытие границ для свободного перемещения граждан ЕС часто, а в особенности в связи с расширением Евросоюза, стало одним из главных

аргументов против отношений Швейцарии с ЕС. Оно привело к серьезным изменениям в швейцарской миграционной политике и в законах, регулирующих рынок труда. Швейцария фактически стала участником миграционного режима ЕС, хотя формально не участвует в законодательном оформлении правил иммиграции и предоставления политического убежища в Евросоюзе.

Авторы третьей части публикации рассматривают взаимоотношения Швейцарии и Евросоюза, обращая основное внимание на ход и результаты переговоров и двусторонних договоров между ними. Лоран Гечел, автор первой главы в этой части, утверждает, что Швейцария в экономическом пространстве поразительно сильно интергрирована с ЕС – порой даже сильнее, чем страны, входящие в Евросоюз, но институционально не связана с процессом европейской интеграции. Вместо этого она выбрала возможность развития отношений с ЕС на основе двусторонних договоров. В следующей главе Черч представил исторические аспекты отношений Швейцарии с ЕС.

Две последних главы этой части посвящены проблематике двусторонних договоров, заключенных в т.н. пакетах. Первый пакет, принятый в мае 2000 г. и распространенный на новые государства Евросоюза в результате проведенного в июне 2005 г. референдума, рассмотрели Седрик Дюпон и Паскаль Скиарини. Александр Афонсо и Мартино Магетти охарактеризовали второй пакет, подписанный в июне 2005 г. Берн заключил с Брюсселем также многочисленные технические соглашения – больше, чем любая из стран, не входящих в состав ЕС. Результатом этих соглашений стала существующая в Швейцарии уже много лет так называемая *euro compatibility*, которая обозначает совместимость с законодательством Евросоюза. Фактически в основе больше половины юридических актов, касающихся вопросов экономики, лежат достижения ЕС в области права. И зачастую – как, например, в случае с Европейской картой медицинского страхования и с предшествующим ей формуляром E 111, – они принимаются вместе со всеми достоинствами и недостатками. Все это подтверждает высокий уровень субстанциональной европеизации Швейцарии во многих областях. Очевидно, однако, что пребывание этой страны вне ЕС делает невозможным для Швейцарии участвовать в процессе формирования европейской политики и влиять на нее. Это один из существенных аргументов

сторонников полной интеграции Швейцарии в ЕС как в политических партиях, так и в обществе. Последние исследования общественного мнения показывают, что от 46 до 66 % общества выступают за членство в ЕС². Одновременно Евросоюз был бы готов принять Швейцарию в свои ряды. Исследования «Евробарометра» регулярно показывают, что 78 % граждан ЕС хотят видеть Швейцарию в Евросоюзе, тогда как только 40 % готовы к приему в ЕС новых балканских государств³.

Рецензируемая книга утверждает тезис о том, что – даже без политических раздоров, которые неоднократно вызывала стратегия европейской политики, – само заключение двусторонних договоров может послужить причиной появления в Швейцарии политических разногласий. В качестве примеров приводятся: периодически предлагающиеся проекты изменений в реализации торговых оборотов на основе реэкспорта, воспринимаемые как «нездоровый интерес» Брюсселя, а также продолжающийся много лет германско-швейцарский спор по поводу аэропорта Цюрих-Клотен или затрагивающие интересы холдингов налоговые правила, которые, по мнению Швейцарии, являются конституционным правом кантонов. Последняя из этих проблем привела к важному политико-юридическому спору между Швейцарией и Европейской комиссией, который назвали налоговым спором и который до сих не получил разрешения. Он обострился в конце 2006 г.⁴, а некоторое смягчение произошло лишь после третьего раунда переговоров между представителями Швейцарии и Еврокомиссии в начале 2008 года.

Две последних главы третьей части затрагивают вопрос отношения Европейского союза к Швейцарии. Авторы пытаются

---

² Автор опирается на исследования *Schweizerische Gesellschaft für praktische Sozialforschung*, с которыми можно ознакомиться на сайте www.polittrends.ch; Клод Лонгшамп, который реализовал научный проект «Евробарометра» после положительных результатов двух европейских референдумов в июне и сентябре 2005 г., пришел к выводу о том, что оба эти голосования (референдума) повлияли на большую открытость Швейцарии, но не повлияли на ее стремление вступить в ЕС.

³ *Eurobarometr* 56, осень 2001 г.

⁴ *Schweiz bestätigt Position im Steuerstreit mit der EU*, „Neue Zürcher Zeitung“ от 3 июля 2006 г. Швейцария не согласилась, чтобы вопросом занимался смешанный комитет по делам Договора о свободной торговле от 1972 г., аргументировав это тем, что этот договор не касается прав конкурентности налоговых систем. ЕС старался усилить свою позицию, подчеркивая, что привилегированное рассмотрение холдингов кантонами – это вид государственной помощи.

также предвосхитить перспективу отношений Швейцарии и ЕС. Зиглинда Гстель полагает, что Евросоюз-25, желающий быть «глобальной силой», под влиянием нажима меньше внимания уделяет проблемам небольшого, однако весьма преуспевающего партнера. Тем самым традиционная стратегия Швейцарии, основывающаяся на стремлении максимально увеличить политическую и экономическую выгоду путем уменьшения расходов, может оказаться в тупике. Швейцария уже много лет является важным партнером ЕС как в силу своего географического положения, так и торговых отношений, но ее значение, начиная с девяностых годов XX в., с точки зрения Евросоюза, уменьшается. Это происходит в связи с внутренними изменениями, происходящими в ЕС и за его пределами, которые обусловили формирование новых приоритетов. Поскольку Швейцария уже в большой степени интегрирована с ЕС, будет все труднее найти области общих интересов, позволяющие заключать новые двусторонние договоры. Одновременно цена таких соглашений будет расти, не только с точки зрения финансовой составляющей, но и в отношении сохранения суверенитета.

Янис Пападопулос, автор последней главы книги, посвященной прогнозу взаимоотношений Швейцарии и ЕС, полагает (основываясь, в частности, на тезисах Дарданелли, Трехселя, Гансера и Крайса), что они будут складываться менее оптимистично для проевропейских кругов. По его мнению, даже если швейцарские избиратели на референдуме проголосовали бы за обязательное для исполнения решение о вступлении Швейцарии в ЕС, маловероятно, что будет получено согласие большинства кантонов, несмотря на поддержку европейской политики, которую оказывают правительства большинства кантонов. Приверженность практике непосредственной демократии в сущности является основным препятствием вхождения Швейцарии в Евросоюз. Швейцарцы опасаются, что членство в ЕС ограничит их собственные полномочия и суверенность. Аналогична и ситуация, касающаяся других аспектов швейцарской идентичности, то есть федерализма и нейтральности.

Черч, продолжая мысль, высказанную во введении, и разделяя взгляды Пападопулоса, добавляет, что трудности в выработке правильного прогноза связаны с неуверенностью и неясностью во многих вопросах будущих отношений Швейцарии и ЕС. Необходимы дальнейшие исследования данного

вопроса в целях дополнения того, что написано, особенно по вопросу сельского хозяйства, энергетики и торговой политики. Одновременно он выражает надежду, что эта книга поможет понять как сложность современной ситуации и ее причины, так и возможные реакции Швейцарии на европейскую интеграцию. С этим мнением нельзя не согласиться.

В дополнение следует добавить, что в контексте европейской политики Швейцарии в последнее время важное место занимает ее участие в последовательной деятельности по отношению к новым странам ЕС, в том числе и к Польше. В начале 2006 г. завершены переговоры с Евросоюзом по вопросу швейцарских инвестиций в размере 1 млрд. швейцарских франков, предназначенных для помощи новым членам ЕС. Результаты переговоров отражены в совместном меморандуме, подписанном 27 июля в Брюсселе.

Станислав Козловский

Bruno Le Maire, *Des hommes d'Etat, Paris, Editions Grasset & Fasquelle, 2007, 464 p.*

Во Франции уже стало хорошей традицией, что известные политики – а еще чаще их сотрудники - после ухода со своего поста публикуют дневники, записанные по горячим следам событий заметки либо воспоминания, являющиеся более упорядоченной по своей форме и содержанию структурой. Такие работы далеко не всегда дают объективную информацию, однако они вызывают живой интерес у тех, кто занимается вопросами внутренней и внешней политики Франции⁵. В рамках этой традиции вписывается Брюно Ле Мэр, типичный французский «энарх», т. е. выпускник престижной Нацио-

---

⁵ Классический пример представляют собой мемуары Шарля де Голля: *Военные мемуары*, Т. 1-2, М., 1957-1960 (С. de Gaulle, *Pamiętniki wojenne*, t. I-III, Warszawa 1967-1968) и *Мемуары надежд*, М., 2000 (С. de Gaulle, *Pamiętniki nadziei*, Warszawa 1974). Среди новейшей литературы следует упомянуть монументальные по объему (к тому же получившие довольно критическую оценку со стороны специалистов) дневники личного советника президента Франсуа Миттерана - Жака Аттали (J. Attali, *Verbatim*, t. I-III, Paris 1993-1995) или воспоминания дипломатического советника французского президента Юбера Ведрина (H. Védrine, *Les mondes de François Mitterrand*, Paris 1996).

нальной школы администрации (*École nationale d'administration*, сокращенно *ENA*), депутат Национального собрания Франции, который к концу 90-х гг. стал близким сотрудником Доминика де Вильпена. Свой опыт работы, приобретенный за время, когда его патрон находился в должности министра иностранных дел, а затем министра внутренних дел, он представил в книге «*Le Ministre*»⁶. Рецензируемая публикация имеет форму дневника и охватывает период с 2005 по 2007 г. (автор иногда рассматривает также события более раннего периода). В это время Д. де Вильпен занимал пост премьер-министра Франции и добивался выдвижения своей кандидатуры от партии на президентских выборах 2007 г., однако безуспешно. Ле Мэр, в свою очередь, был вначале его советником, а затем директором кабинета во дворце Матиньон, официальной резиденции французского премьер-министра.

Издатель старается заинтересовать читателя возможностью встретиться на страницах книги с такими яркими личностями, как Ангела Меркель, Тони Блэр, Владимир Путин и Ариель Шарон. Однако, несмотря на то, что данные политики являются персонажами рецензируемой публикации, читатель найдет в ней не слишком много информации на тему внешней политики Франции, так как отсутствует здесь и углубленный анализ, и даже пикантные подробности, подчас столь характерные для дневниково-мемуарных сочинений. Такое положение объясняется, по всей вероятности, тем фактом, что премьер-министр (хотя автор не жалеет комплиментов в адрес Д. де Вильпена) не играет во французской внешней политике первостепенной роли.

Ле Мэр немало внимания уделяет европейским проблемам, рассматривая прежде всего вопрос конституционного договора, отвергнутого французским обществом на референдуме в мае 2005 г. Как отмечает автор, он уже к концу 2004 г. придерживался мнения, что более понятным является голосование против договора, чем за него. Ибо результаты деятельности ЕС, достигнутые за последние годы, оставляют желать лучшего. Достаточно указать лишь на некоторые примеры: чрезмерную концентрацию власти, неясные инструкции, несвободу действий стран-членов или действия, вызванные экономическими проблемами, бессилие на международной арене. Проведение референдума оказалось преждевременным. Он состоял-

---

⁶ В. Le Maire, *Le Ministre*, Paris 2004.

ся после серии серьезных потрясений, таких как падение коммунизма, теракты 11 сентября, расширение ЕС, к которым французы не были полностью подготовлены. Маастрихтский договор был принят французским обществом с минимальным перевесом голосов. Не было предпринято реальных усилий к тому, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону. Поэтому повседневные бытовые проблемы, безработица, неприязнь к властям воспринимались многими как более важные, чем достижения в области европейской интеграции, сути которых они не понимали. Введение евро, как утверждает Ле Мэр, стало значительным достижением европейской интеграции, тем не менее для многих французов это символ их пауперизации. Сходные оценки вызвало расширение Европейского союза. Нельзя было игнорировать страны, желающие вступить в ЕС, однако во Франции очень распространенным является мнение, что в Евросоюз приняли «кого попало – болгар, румын, почему же не сербов и хорватов?» Отчасти такое положение объясняется тем, что в течение многих лет французское общество убеждали в том, что Франция решает судьбу Европы. В действительности это далеко не так: в лучшем случае она принимает решения совместно с другими странами.

Существенным фактором, оказавшим влияние на отрицательный результат референдума, является разрыв между политическими элитами и населением. Политики не сумели убедить население страны в правильности своей позиции. Накануне референдума, во время одной из встреч Ле Мэр услышал такую речь: «У меня двое детей, я уже не замужем, зарабатываю меньше тысячи евро в месяц. Я хочу узнать у вас, какую пользу принесет мне эта ваша конституция? Ибо нельзя сказать, что Европа (...) многое нам дала. А можно даже сказать – совсем наоборот». Автор считает, что человек, находящийся на государственной службе, отдаляется от обыденной жизни и проблем простых людей. Особенно четко это явление наблюдается во Франции, в которой еще на раннем этапе обучения способные ученики попадают в элитные школы, гарантирующие каждому путь к успеху. Таким способом увеличивается разрыв между элитами и населением.

Важное место отводится в книге теме «войны с терроризмом» и отношениям с Соединенными Штатами. Опираясь на материалы контрразведки, автор доказывает, что лица, подозреваемые в террористической деятельности, проживают во Франции. Можно в конце концов задать себе вопрос о том, не

принимали ли участие исламисты в беспорядках на городских окраинах Франции осенью 2005 г. По мнению Ле Мэра, война против терроризма будет длиться еще долгие годы, и это обусловлено тем, что исламские террористы руководствуются не только фанатизмом, но и, в первую очередь, рациональной логикой. Их действия вытекают из протеста против западных ценностей – протеста, который самого слабого наполняет чувством гордости. Война против терроризма оказала существенное влияние на западные государства. Во-первых, она привела к ограничению свободы в публичной сфере жизни: сегодня никто уже не удивляется, когда полиция стреляет и убивает темнокожего прохожего с подозрительным пакетом. Во-вторых, она повлияла также на стратегическую мысль. Говорить сегодня о ядерном оружии – просто «бред» (Н. Саркози), так как его нельзя применить против террористов даже в случае его миниатюризации. Руководитель, который решится на такой шаг, безусловно предстанет в качестве обвиняемого перед Международным уголовным трибуналом.

Традиционно большинство представителей французской политической элиты отрицательно относится к Соединенным Штатам, особенно в годы правления Джорджа Буша. В связи с этим де Вильпен пытался убедить Саркози, что тот должен занимать менее проамериканскую позицию, а также проявлять более чуткое и внимательное отношение ко всем социально значимым проблемам. Тогда он будет иметь реальные шансы на победу на президентских выборах. Кандидат от *UMP* («Союза за народное движение») отчасти последовал этому совету: хотя он по-прежнему старался улучшить отношения с Соединенными Штатами, во время предвыборной кампании он подверг критике интервенцию в Ираке. А в чем конкретно обвинялся американский союзник? «Американцы, - пишет Ж. Ширак, - проиграли все в Ираке, проиграли все в Сирии. Сейчас они стремятся воспользоваться тем, что нам удалось сделать в Ливане, но этому не бывать!» Соединенные Штаты бессильны перед стремлением КНДР к созданию собственного ядерного оружия (Ле Мэр), они также, по-видимому, неспособны понять Иран. Как отмечает де Вильпен, «Иран – это страна, которая опасается того, что Запад перепутает ее с арабами. Иран осознает свою принадлежность к культурно-исторической традиции и роль в регионе. Он требует уважения. Необходимо найти баланс между уважением и нашими интересами безопасности». Есть также опасения, что амери-

канцы станут отговаривать Израиль от заключения мира с арабскими странами. При всем этом, по мнению автора, Соединенные Штаты располагают одним реальным преимуществом: американцы гордятся своей родиной, в то время как европейцы такого чувства гордости не испытывают.

В книге Ле Мэра уделяется немного внимания Польше. Автор приводит всего лишь одно высказывание Ширака (впрочем, не очень понятное), датированное началом 2006 г.: «Есть еще и поляки! Я вам скажу, что сейчас с Польшей все идеально, все хорошо; посмотрим, куда нас это приведет». В свою очередь, много внимания Ле Мэр уделяет Иоанну Павлу II. Он несколько раз выражает свое глубокое уважение к польскому Папе. И не только потому, что Иоанн Павел II выступал против войны в Ираке, но также потому, что он, несмотря на свою роль в падении коммунизма, неоднократно выступал с критикой пороков капитализма. С довольно положительной оценкой Иоанна Павла II контрастирует критика католической церкви как института и неоднократное сравнение Ватикана с Кремлем советского периода.

Однако, как пишет сам автор во вступлении, главная цель, которую он ставит перед собой, заключается в том, чтобы поделиться с читателями своими размышлениями, рассуждениями, связанными с тремя заголовочными персонажами – государственными деятелями: Жаком Шираком, Николя Саркози и Домиником де Вильпеном.

Со страниц книги Ширак предстает перед читателем как старый, беспомощный человек, теряющий время от времени контакт с реальностью. Он легко устает, всегда безучастно произносит подготовленную другими речь, плохо слышит выступающих на различных заседаниях. Однако прежде всего он предпочитает не видеть реальных проблем, не умеет принимать необходимых решений и опасается радикальных перемен (он утверждает, что «французы боятся решительных изменений»). Хотя Ле Мэр и не говорит этого открытым текстом, в Елисейском дворце царствует атмосфера *fin de règne*. Шираку противопоставлен образ Николя Саркози – самоуверенного человека, рассчитывающего на активную поддержку со стороны общества и твердо верящего в свои способности, который последовательно реализует намеченные цели и, прежде всего, стремится к власти⁷. «Что бы ни случилось, буду [бороться за

⁷ См. C. Nay, *Sarkozy. Pragnienie władzy*, Warszawa 2007.

пост президента. – Прим. А. Ш.]. И дело здесь даже не в разуме, а в зверином инстинкте (...) Это живет где-то внутри меня, я не могу выразить это никак по-другому», - сказал в 2006 г. нынешний президент Франции. Политическая деятельность Саркози получила высокую оценку автора публикации. Однако Ле Мэр не относится к нему с симпатией, что нетрудно понять, имея в виду антагонизм, сложившийся между Саркози и де Вильпенем. В рецензируемой книге Саркози не слушает своего собеседника, провоцирует сотрудников, грозит своим противникам и давит на своих соперников, в первую очередь на де Вильпена. При этом Саркози старается создать совершенно другой имидж («Люблю нежность и ласку, хотя никто об этом не знает»). Де Вильпен испытывал чувство раздвоения, находясь между двух огней: уже немолодым президентом и динамичным министром внутренних дел, мечтающим стать президентом. Он старается сохранить верность Шираку, однако нередко именно сам Саркози заставляет его принять необходимые решения. Саркози, безусловно, является его конкурентом, но не противником. Обоих политиков объединяет «увлечение властью, обоюдная ненависть и некая специфическая форма взаимного уважения. (...) Договоренность между ними была достигнута спонтанно (...) зато союз – невозможен». Ле Мэр не скрывает восхищения своим руководителем как политиком и человеком. Он считает, что де Вильпен не потерял ту частицу человечности, которой лишился Саркози, стремясь к власти. Кроме того, бывший премьер-министр Франции является, по мнению автора книги, выдающимся специалистом в области мировой политики. К сожалению, это не имело влияния на восприятие его во французском обществе.

Работа Ле Мэра – это в конечном счете попытка анализа причин поражения де Вильпена и одновременно попытка его реабилитации. По словам одного из политиков *UMP*, которые автор цитирует, «у Вильпена было все». Он казался естественным преемником Ширака, который воспринимал его как потенциального наследника. И при всем этом он проиграл, потому что в 2005 г. занял пост премьер-министра (в период Пятой республики действующий премьер-министр никогда не смог одержать победы на президентских выборах), не хотел идти по следам Саркози и подвергать президента открытой критике, чтобы получить более широкую общественную поддержку, а также взял на себя ответственность за непопулярные реформы. Он проиграл, потому что старался «принципиально

защищать строгую концепцию государства, стремиться к равновесию между социальными требованиями и экономической реальностью, ограничить безработицу, повысить конкурентоспособность наших фирм, укрепить коалицию против оппозиции, которая не желает видеть мир таким, какой он есть». Конечно, Ле Мэр имеет полное право защищать своего руководителя. Однако в нескольких случаях он заходит слишком далеко. Как утверждает автор работы, именно де Вильпен, а не Саркози, был действительным сторонником перемен во Франции; это он требовал, чтобы Ширак приступал к проведению реформ. Саркози предпочитал ждать, чтобы не отталкивать от себя население до выборов и потом только, во время выборной кампании, заявить о необходимости проведения реформ. Де Вильпен был также автором проекта мини-договора, который, по его замыслу, должен был заменить конституционный договор; однако это предложение не получило одобрения у Ширака, и в 2007 г. его претворил в жизнь Саркози. Автор не желает также заметить предположительной причастности де Вильпена к афере «Клирстрим», задачей которой была компрометация нескольких французских политиков (в частности, и Саркози) путем фальсификации улик, указывающих на извлечение ими выгоды от нелегальных финансовых операций. Следует упомянуть, что в связи с этим делом - уже после победы Саркози и смены на посту премьер-министра - де Вильпену были предъявлены официальные обвинения в причастности к ложным доносам. Его парижская квартира и бюро подверглись обыску. Такая ситуация возникла впервые за всю историю Французской Республики, и она стала своеобразным итогом времени правления Ширака, когда де Вильпен (а вместе с ним и Ле Мэр) играли первостепенную роль.

Анджей Шептыцки

Omar G. Encarnaciyn, *Spanish politics: democracy after dictatorship*, Cambridge, Malden Polity Press, 2008, 192 p.

История вызывает эмоции не только в Польше. Спустя тридцать лет после завершения процесса демократической трансформации Испания все еще не справилась со своим прошлым. Закон об исторической памяти (*Ley de Memorial Histórica*), при-

нятый в октябре 2007 г. во время правления премьера-социалиста Хосе Луи Сапатеро, порождает горячие политические споры в стране, в которой, казалось бы, в течение последних двадцати лет основное внимание уделялось прежде всего эффективному использованию финансовой поддержки ЕС и строительству экономического фундамента современного государства, а гражданская война и авторитарное правление генерала Франко предавались забвению. Обозначает ли этот поворот к своему прошлому то, что испанская трансформация не оказалась успешной? Как утверждает Омар Г. Энкарнасьон, при всем разногласии суждений, вызванных попытками расплатиться за причиненные страдания, нет оснований ставить под сомнение значение испанского пути к демократии.

В первой главе своей книги автор напоминает о том, что переход от авторитарного правления генерала Франко к демократии был результатом соглашения, заключенного между элитами старого режима и оппозицией. В связи с этим автор констатирует, что в условиях отсутствия прочных демократических традиций все-таки в Испании удалось создать фундамент зрелой демократии, основанной на двухпартийной системе, а также достаточно активном гражданском обществе. Как считает Омар Г. Энкарнасьон, в Испании удалось избежать развития событий, которое наблюдалось в некоторых государствах Центральной и Восточной Европы, а также во многих странах Латинской Америки, где переговоры неоднократно приводили к созданию фасадной демократии и ущербности политической жизни.

Из второй главы публикации мы узнаем, что мирная трансформация и строительство зрелой демократии, основанное на соглашении старых и новых элит, были результатом травматического опыта гражданской войны. Автор утверждает, что после смерти Франко испанцы оказались более уступчивыми и стали более осторожно выражать крайние политические оценки, ибо они прекрасно понимали, что чрезмерная конфронтация может закончиться повторением сценария тридцатых годов. Тогда, во время Второй республики (1931-1936), предпринятые попытки демократических преобразований страны завершились кровавым конфликтом. С точки зрения автора отчасти можно согласиться, однако следует иметь в виду и роль международной общественности (в первую очередь Европейского сообщества, Франции, Германии и Соединенных Штатов Америки) в обеспечении мирного перехода от

авторитарной системы власти к демократии западного образца. Несмотря на то, что данная тема достаточно подробно анализируется в специальной литературе, она полностью отсутствует в рецензируемой книге.

Глава третья посвящается анализу испанской политической сцены, начиная с 1975 г., после смерти Франко, и вплоть до принятия новой Конституции в 1978 г. Здесь автор фокусирует свое внимание на роли политических акторов, таких как Карлос Ариас Наварро, Адольфо Суарес и король Хуан Карлос. При этом он обращает внимание на значение внепарламентского соглашения, известного под названием «Пакта Монклоа» (*pactos de la Moncloa*), заключенного в 1977 г. между представителями правых и левых политических сил. Этот пакт создал возможность продолжить программу политической трансформации в условиях экономического кризиса. Затем, в главе четвертой, автор знакомит читателей с возникновением и эволюцией испанской системы политических партий. Этот процесс включает в себе четыре этапа: 1977-1982 гг. – с ведущей центристской партией СДЦ (*UDC*); 1982-1996 гг. – с доминирующей левой Испанской социалистической рабочей партией, ИСПП (*PSOE - Partido Socialista Obrero Español*); 1996-2004 гг. – время правления правой Народной партии, НП (*PP - Partido Popular*). Он является действительно ярким свидетельством в пользу зрелости испанской демократии.

Несмотря на свою положительную оценку процесса демократизации, автор книги все же избегает опасности упрощенной трактовки испанской действительности. Ибо многие политические проблемы, имеющие ключевое значение для современной Испании, не были решены во время трансформации. Можно даже утверждать, что соглашение между старыми и новыми элитами ограничило участие граждан в формировании политической жизни, тем самым тормозя процесс быстрого образования зрелого и активного гражданского общества. Данному вопросу посвящена глава пятая, в которой автор совершенно справедливо отмечает, что качество гражданского общества является не только результатом трансформации, но также четырех десятилетий авторитарного режима Франко, который существенным образом ограничил право граждан выражать свои политические предпочтения. Кроме того, Омар Г. Энкарнасьон оспаривает положение, что результатом так наз. *transformación pactada* является гражданское общество, нерасположенное к активной деятельности в

политических партиях, группировках и профсоюзных организациях, указывая на очень хорошо развитую культуру протеста и массовых демонстраций в испанском обществе.

Вопрос территориальной организации государства, который остается актуальным и сегодня, рассматривается в главе шестой. В итоге соглашения элит в конце 70-х гг. в Испании было создано «государство автономий» (*estado de autonomías*), т. е. нечто среднее между федерацией и централизованным государством. Незавершенный, но все расширяющийся процесс децентрализации, которому сопутствует террористическая деятельность организации ЭТА, а также стремления баскских и каталонских националистов добиться большей независимости, является по-прежнему одним из существеннейших (а может быть, и самым существенным) фактором поляризации испанской политической жизни. На одной стороне находятся приверженцы углубления децентрализации, а на другой те, которые опасаются, что дальнейшее развитие в сторону федерации может привести к распаду Испании.

Наряду с политическими вопросами автор рассматривает в седьмой главе также экономическое положение демократической Испании. Многие из читателей, безусловно, могут отнестись критически к положению о том, что якобы экономическая политика премьера-социалиста Фелипе Гонсалеса (1982-1996), основанная на западноевропейской модели патерналистского государства, представляет собой гораздо более эффективное средство реализации политических и экономических изменений по сравнению с неолиберальными методами, применявшимися в рамках так наз. *Washington consensus* во многих странах молодой демократии Латинской Америки, а также Центральной и Восточной Европы. Критические замечания может вызывать также то, как автор освещает экономическую политику в годы правления правой Народной партии во главе с Хосе Марией Аснаром (1996-2004). По мнению автора книги, в это время произошла «вторая волна реформ», а фактически в Испании начался тогда быстрый процесс либерализации экономики.

Если бы Омар Г. Энкарнасьон написала свою монографию несколько лет тому назад, то в ней, безусловно, не оказалось бы главы восьмой, посвященной «призракам прошлого». Согласно неписаному закону молчания (*pacto del silencio*) и разработанному на его основе в 1977 г. закону об амнистии, уже в первые годы демократической трансформации «все обо всем

забыли». Тема памяти о жертвах гражданской войны и режима Франко неожиданно стала вновь актуальной в 1998 г. Арест по заявлению испанского прокурора, наложенный на Пиночета по обвинению в смерти испанских граждан, вызвал много критических замечаний по поводу того, как сами испанцы свели счеты со своим прошлым. Автор подробно описал проходившие тогда в Испании дискуссии, а также процесс, законченный принятием закона об исторической памяти, который подвергался острой критике со стороны правой Народной партии. При этом, несмотря на свои политические симпатии к правительству левой партии ИСРП, Омар Г. Энкарнасьон старалась представить реальное положение вещей и проанализировать критические замечания как сторонников сведения счетов с прошлым, так и его противников.

В последней главе книги представлен анализ периода правления Хосе Луиса Сапатеро, с особым акцентом на социальную политику и политику равноправия, легализацию однополых браков (вызвавшую весьма острый конфликт с испанской католической церковью), деятельность по дальнейшей децентрализации государства, борьбу с терроризмом и внешнюю политику. Автор отвергает положение, выдвигаемое сторонниками Народной партии и повторяемое многими зарубежными комментаторами – прежде всего в Соединенных Штатах, что якобы испанский премьер-министр своей деятельностью привел к расторжению политического консенсуса, выработанного еще в период трансформации.

Омар Г. Энкарнасьон отмечает, что еще во время правления Аснара обозначились очертания острого политического спора, вызванного решением премьер-министра о поддержке американской интервенции в Ирак в 2003 г. Тогдашнее сближение с США воспринималось общественным мнением и оппозиционными силами как отход от основных направлений внешней политики, которые были сформулированы в период трансформации и правления Гонсалеса.

Книга Омар Г. Энкарнасьон представляет немалый интерес и имеет четко обозначенную направленность. При этом она вписывается в главное течение дискуссии на тему изменений, которым с 1996 г. подвергается испанская политическая сцена. В этом контексте значительное внимание автор уделяет вопросам, которые в последние годы привели к поляризации политической сцены (в частности, такие как историческая память, политика в области нравов, проблема национализма и борьба

против терроризма). Несмотря на свою ярко выраженную политическую симпатию, автор старается сохранить холодный ум и стремится к тому, чтобы его политические предпочтения не исказили результатов анализа в целом. Поэтому он избегает однозначных оценок, одновременно указывая на то, что политика Сапатеро в значительной степени является ответом на ожидания испанского общества. Учитывая актуальность данной тематики, публикация, безусловно, способна вызвать критическую оценку среди тех, кто идеологически идентифицирует себя с правоцентристами и наследием Аснара. С другой стороны, книга предоставит интересный материал и аргументы всем сторонникам политики, осуществляемой премьер-министром Сапатеро.

Беата Война